кеток, подвергаемых осмеянию в русском обществе, были непременной составляющей их речевого портрета, см. отрывок из пьесы Сумарокова А.П. «Пустая ссора»: *Вы так мне* ***флатируете****... Я вас* ***адорирую****... Я етова сударь не* ***меритирую*** [7, с. 345]. «Комический эффект многих драматических реплик часто достигался рифмованием иностранных слов с русскими, имеющими просторечный статус (*рейтузы – пузы, алгвазил – потузил, паспóрту – черту*), или их столкновением в пределах стихотворного ряда: *Милена, жизнь моя,* ***души полицеймейстер****!* [6, с. 249].

Таким образом, экскурсы в область русской комедии второй половины XVIII в. показывают, что в ней широко употреблялась иноязычная лексика, в основном западноевропейского происхождения, образующая богатые и разветвленные семантические группы, выполняющая разнообразные стилистические функции. Многие слова претерпели семантические изменения, расширили свои значения, легко адаптировались к русскому языку, развив словообразовательные и синтаксические возможности. Важными факторами в отборе слов иного генетического источника служили авторская индивидуальность и роль драматического образа в структуре комедийного сюжета.

Литература

1. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка 18-го века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

2. Дашкова Е.Р. Тоисиоков // Литературные сочинения. М., 1990.

3. Крылов И.А. Подщипа. Пирог. Модная лавка. Урок дочкам // Он же. Басни, комедии. М., 2002. С. 194 – 255.

4. Лебедева О.Б. История русской литературы 18-го века. М., 2003.

5. Николев Н.П. Самолюбивый стихотворец // Стихотворная комедия конца 18-го – начала 19-го в. М. – Л., 1964. С. 83–153.

6. Судовщиков Н.Р. Неслыханное диво, или Честный секретарь // Стихотворная комедия конца 18-го – начала 19-го в. М. –Л., 1964. С. 180–249.

7. Сумароков А.П. Пустая ссора // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. М., 1787. Ч. 5. С. 345–346.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. М. : Прогресс. 1986.

9. Фонвизин Д.И. Бригадир. Недоросль // Он же. Комедии. Л., 1971. С. 1 – 63.

Excursus to the field of Russian comedy of the XVIII century (about the lexical loanwords from the West European and other languages)

There is given the analysis of loanwords in the Russian comedy of the second half of the XVIII century, revealed its lexical and semantic groups, found out the semantic changes, peculiarities of formation of new, figurative meanings and ways of adaptation to the Russian language.

Key words: *Russian comedy of the XVIII century, lexical loanwords, lexical and semantic groups, stylistic functions.*

А.С. БОЙЧУК
(Волгоград)

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гастрономическая метафора рассматривается как мотивационная система в рамках семантической классификации метафор. Исследуются факторы, обусловливающие активное употребление таких метафор носителями русского языка на современном этапе его развития. Изложены основные принципы построения лексико-семантического поля гастрономических метафор.

Ключевые слова: *метафора, гастрономическая метафора, мотивационная система, социокультурный фактор, «общество потребления», лексико-семантическое поле.*

Изучение метафоры имеет длительную традицию, восходящую к античности, трудам Аристотеля. Различным аспектам изучения наименований, обладающих переносным значением, посвящено множество научных трудов российских и зарубежных исследователей. В работах таких ученых, как Д. Лакофф и М. Джонсон, М. Блэк, Д. Дэвидсон и др., находят развитие идеи когнитивистики. Особое внимание западные ученые уделяют так-

© Бойчук А.С., 2011

же формальному подходу к изучению метафоры. Отечественные исследователи (В.Г. Гак, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Скляревская и др.) посвящают свои труды вопросам, связанным с семантической характеристикой метафор, в частности со степенью развития образности в данных единицах.

В рамках семантической классификации метафор значимую роль играет установление тематической принадлежности вспомогательного субъекта. Осуществление этой операции позволяет рассматривать гастрономические метафоры русского языка как мотивационную систему, т.е. открытый ряд разнородных по значению переносных наименований, внутренняя форма которых относится к одной тематической сфере [4, с. 126].

Гастрометафоры оказались в центре нашего внимания не случайно. Данную совокупность образных единиц отличает ряд специфических факторов, обусловливающих ее возникновение и активное функционирование. Существует взаимосвязь между изменениями в составе гастрономических метафор и сознании носителей современного русского языка, формировании у последних национально-специфической, а также универсальной картин мира. С тем чтобы установить эту взаимосвязь, мы провели исследование выборки материала объемом в 3623 единицы. Источниками фактического материала послужили телепередачи, интернет-источники, периодические печатные издания, художественные тексты классической и современной русской литературы.

Границы мотивационной сферы изучаемого типа метафор помогает определить обращение к значению термина *гастрономия*. Существуют широкая и узкая его трактовки. Последняя доминирует в отечественной научной традиции и обусловливается воздействием совокупности культурно-исторических факторов: 1. ‘понимание и знание тонкостей кулинарного искусства; изощренный вкус в еде’; 2. ‘общее название высококачественных закусочных или требующих особого приготовления пищевых продуктов’ [6, т. 1, с. 302]. Широкая трактовка термина принимается западными учеными как основная. Гастрономия в данном случае рассматривается как научная дисциплина гуманитарного цикла, связанная с целым рядом других научных дисциплин, где главным объектом изучения являются пища, ее основные свойства и способы приготовления. При этом питание определяется как значимая часть человеческого существования, оказывающая влияние на базовые сферы бытия.

Западные ученые рассматривают гастрономию как науку начиная с XIX в.: основу такого подхода заложили труды французского исследователя и видного гастронома Ж.-А. Брийа-Саварина (J.A. Brillat-Savarin), в частности его широко известная работа «Физиология вкуса» («The Physiology of Taste»), увидевшая свет в 1825 г. Именно такой подход представляется наиболее обоснованным и позволяет внести некоторые уточнения в определение гастрономической метафоры, которая на данном этапе рассматривается как группа разнородных по значению метафор (мотивационная система), объединенных по семантическому критерию: их внутренняя форма относится к одной тематической сфере, включающей номинации пищи, ее вкусовых и иных качеств и способов ее приготовления (последними занимается кулинария, нередко ошибочно отождествляемая с гастрономией).

Гастрометафоры представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся групп метафор русского языка. Активному использованию данных языковых образований способствует комплекс явлений – как экстралингвистических, так и собственно лингвистических. Примером первых служит обоснованная благодаря специфике протекания психических процессов взаимосвязь между пищей и потребностной сферой человеческого существования, рассмотрение приема пищи как неотъемлемой части повседневного течения жизни. К внутриязыковым факторам относится эмоционально-экспрессивная окрашенность гастрометафор, связанная с понятийным содержанием слов и выражений, послуживших основами для переноса значения.

Среди факторов, обусловливающих активное употребление гастрометафор на современном этапе развития русского языка, можно выделить особенности человеческого сознания и восприятия действительности; антропоцентричность, а в ряде случаев физиологичность гастрометафоры, ее связь с физическим миром, предметность; способность к выражению эмоционально-экспрессивного компонента значения и оценочных характеристик; множественность отрицательных коннотаций, присущих данному типу метафор. Более детального рассмотрения заслуживает зависимость формирования и функционирования гастрометафоры от социальной и культурной сфер человеческого существования. В научных исследованиях неоднократно обращалось внимание на ту немаловажную роль, которую пища играет в процессе становления индивидуума, его связи с обществом, культурой. Так, из-

вестный французский ученый, структуралист-антрополог К. Леви-Стросс писал: «Удовлетворяя потребности тела, кулинарное искусство обеспечивает необходимое сочленение между природой и культурой <…> Возникшее из двух сфер, оно отражает эту двойственность во всех своих проявлениях» [3, с. 372, 377].

Связь гастрометафоры с потребностной сферой обеспечивает активное использование данной мотивационной сферы в рамках «общества потребления». Последнее понятие используется для характеристики состояния социума в научных исследованиях (труды Э. Фромма, Г. Дебора, В.И. Ильина, В.П. Руднева) и в сознании большинства его членов. Так, ученый и философ В.И. Ильин говорит об обществе, где потребление «перестает быть способом борьбы за физическое выживание и превращается в инструмент конструирования социальной идентичности, социокультурной интеграции в общество» [2, с. 6]. Гастрономия как часть обиходной жизни в рамках концепции общества потребления сближается в ценностном отношении с внебытовыми формами культуры, а гастрономическая метафора, как следствие, активно используется для характеристики культурных объектов и явлений.

Общество потребления обеспечивает развитие прежде всего массовой культуры. Продукция, воспринимаемая носителями языка как «виртуальный суррогат», «культурный фаст-фуд», описывается с использованием образов из сферы «гастрономия», обладающих выраженной отрицательной оценочностью:

Если автор хотел вволю оттянуться и так все повернуть, чтобы Дюма в гробу завертелся, это ему, безусловно, удалось. Коктейль вышел на славу: здесь и добрый доктор Гильотен, и «Семнадцать мгновений весны», и даже «Ирония судьбы»… вот только зачем читателю переваривать сию щедро сдобренную казарменным юмором стряпню, давиться остывшим фаст-фудом или тухлыми котлетами (Мир Фантастики. 2007. Т. 44. №4. С. 30).

Очень часто подобные образования опираются на исходную модель, базовую метафору, существующую в сознании носителей языка. Когда «пища духовная» уравнивается по ценностным характеристикам с пищей материальной, мы получаем некий «культурный объект» (книгу, фильм и т.д.) / *блюдо*, который / которое создается / *готовится (варится, замешивается…)* автором / *поваром,* затем появляется в кинотеатрах, в магазинах / *подается к столу*, доходит до потребителя / *съедается*, после чего оценивается как качественный (-ое), интересный (-ое), полезный (-ое), / *вкусный* (-ое), *съедобный* (-ое) или нет. Например: *Начинаем готовить. Берем мегаполис Москва, добавляем «навов», «людов», «чудов» и конечно же «челов» + щепотку интриги, не забываем также про «двигатель жизни» любовь, ах да, не забудем добавить немного улыбки в лице «красных шапок», и что же у нас получилось? – спросите Вы... Ответ очевиден: Блюдо под названием «Тайный город». P.S. Кушайте на здоровье, ой, конечно же приятного Вам чтения* (http://lib.rus.ec/b/153375).

Наличие положительных или отрицательных коннотаций во многом зависит от конкретной тематической направленности переноса в рамках сферы «гастрономия». На этом основании можно выделить несколько базовых групп метафор, связанных с процессом питания человека (для обозначения которых мы использовали часть понятий, вводимых А.В. Оляничем для лингвокультурной характеристики немецкого гастрономического дискурса [1]). В процесс метафоризации оказываются вовлеченными почти все понятия, тем или иным образом соотносящиеся со сферой гастрономии:

1) группа номинативных единиц со значением собственно ‘пища’ – здесь рассматриваются блюда, их составляющие, продукты, ингредиенты и др.: *Если классическая музыка – прожаренный бифштекс со стаканом красного вина, то попса – «Дошик»* (РТР. «Кривое зеркало». 28.10.04);

2) номинации основных свойств пищи (включают описание характерных вкусовых параметров, а также таких значимых пищевых свойств, как консистенция, жирность, сочность и т.п.): *Вкусное слово «вереск», эдакое пряное и таинственное. Лично у меня оно ассоциируется с огромными цветущими холмами и упившимися медовухи друидами из стихотворения «Вересковый мед»* (http://volha.-livejournal.com);

3) номинативные единицы, связанные с обозначением испорченной пищи: *Мир сильно изменился, пришла городская цивилизация истериков и извращенцев <...> Излом им подавай и прочую перчинку… Чтоб тухлятинкой попахивала... Как там сказано про виски и тухлого омуля, ой, пардон, не эстетично – с душком-ссс… как-то все любят с душком-сс…* (http://kamsha.ru/forum);

4) номинации процесса приготовления – в данной группе выделяем подгруппу *кухня* (средства и инструменты, обеспечивающие процесс приготовления и потребления пищи) и *действия в процессе приготовления*; здесь же рассматриваются способы именова-

ния основного субъекта действия, топонимические характеристики процесса (осуществлялся он в домашней обстановке или вне дома), а также такая разновидность кулинарного текста, как рецепт из поваренной книги, являющийся структурной основой, на которой строится большинство метафор группы: *Легко сделать выжимки из философских сочинений Бердяева и Ильина, смешать их с библейскими заветами, разбавить народной щедростью частушек, пословиц и поговорок, обильно приправить патриотической музыкой Глинки. Назвать это месиво национальной идеей и подать в Кремлевском дворце к очередной знаменательной дате* (Нов. газ. 2003. №83. С.10);

5) номинативные единицы, обозначающие презентацию пищи к употреблению, – здесь учитываются тип стола (холодный, шведский, закусочный и т.п.), сервировка, особенности процесса подачи блюд:

Естественно, рационально мыслящие издатели <...> с радостью включают в свои «меню» блюда и даже целые торжественные обеды от «помишленовски-гурманских» авторов, легко и непринужденно избегающих пресловутой форматности (Мир Фантастики. 2010. Т. 80. № 4. С. 50);

6) номинации процесса потребления пищи – в данной группе учитываются хронологический параметр, т.е. периодичность приема пищи (завтрак, перекус и т.п.), и топонимический (прием пищи на дому / вне дома), а также торжественность обстановки (праздничное застолье / обыденный прием пищи); рассмотрены также составляющие самого процесса и состояния, связанные с приемом пищи, разделяемые нами на состояния «до» (голод, аппетит и др.) и «после» еды (сытость, изжога и т.п.); учтены возможные ограничения в пище и причины, их вызывающие (ритуальный параметр и др.):

Я, например, записываю по таймеру на жесткий диск своего «дивидюшника» означенные шедевры мирового кинематографа и упиваюсь ими в то время, как остальное человечество вынуждено давиться телесериалами с участием фигуристов и фигурным катанием с участием телезвезд (http://www.kp.ru/daily/24283.4).

Следует отметить, что семантические границы между отдельными группами единиц оставляют возможность перехода из одной группы в другую и сдвигов в значении в процессе функционирования метафор. Существует разветвленная система отношений между отдельными образными наименованиями и их группами (причем парадигмальные связи выступают как элементы системной организации), что соотносится с положениями, изложенными в трудах Г.Н. Скляревской, разработавшей типологию метафор по семантическому признаку: в зависимости от сферы, из которой заимствовалось слово, и сферы, в которую данное слово переносится. Данный исследователь доказывает, что антропоцентрические метафоры (а к таковым принадлежат в силу своей тематической отнесенности все гастрометафоры русского языка) представляют собой лексико-семантическое поле, вторичное по отношению к действительности. Это поле находится в отношениях взаимозависимости с другим полем – первичным, содержащим исходные номинативные единицы и отражающим связи и зависимости между объектами реальной действительности [5, с. 123–129]. Таким образом, гастрономические метафоры русского языка образуют лексико-семантическое поле, синкретичное по своему составу. Как и любое поле, оно характеризуется наличием ядерной зоны и периферии. В ядерную зону входят «вкусовые» метафоры и прочие пищевые характеристики. В околоядерной зоне располагаются единицы, тематически связанные с приготовлением и порчей пищи. К периферийной зоне относятся некоторые метафорические обозначения блюд, а также метафоры, исходные значения которых связаны с процессами презентации пищи и поглощением.

Ряд метафор, занимающих периферийное положение, входит в состав других лексико-семантических групп и полей, пересекающихся с полем гастрометафор. Заметим, что пересечения не выходят, однако, за границы семантической сферы «человек».

Таким образом, гастрономическую метафору как системное образование в рамках современного русского языка отличает ряд структурных, семантических, стилистических особенностей. Активное использование носителями языка метафор этого типа и тесная связь указанной мотивационной системы с такими бытийными сферами, как природа человека, культура и искусство, обеспечивают интерес к гастрономической метафоре как объекту исследования.

Литература

1. Головницкая Н.П., Олянич А.В. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса : моногр. Волгоград : ИПК ФГОУ ВПО «ВГСХА» «Нива», 2008.

2. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. Т. XIV. № 2. С. 3 –40.

3. Леви-Стросс К. Мифологики. Т. 3: Происхождение застольных обычаев. СПб. : Универ. кн., 2000.

4. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. 4-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д. : Феникс, 2006.

5. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004.

6. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

Gastronomic metaphor in the modern Russian language

A gastronomic metaphor is considered as a motivational system in the aspect of semantic classification of metaphors. There are researched the factors that cause active use of such metaphors by native speakers of the Russian language at the modern stage of its development. There are suggested the basic principles of building the lexical and grammatical field of gastronomic metaphors.

Key words: *metaphor, gastronomic metaphor, motivational system, sociocultural factor, "consumer society", lexical and semantic field.*

О.А. ГОЛОВАЧЕВА
(Брянск)

СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИЗАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ Н.С. ЛЕСКОВА ОБ А.И. ГЕРЦЕНЕ: ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Дан анализ позиции Н.С. Лескова относительно общественно-политической деятельности А.И. Герцена, выраженной с помощью различных по стилистической тональности лексем, введенных в систему парадигматических отношений с учетом их экспрессивно-коннотативных особенностей.

Ключевые слова: *Н.С. Лесков, публицистика 1860-х гг., парадигматические отношения, стилистические особенности лексических единиц, Герцен.*

Н.С. Лескова как публициста всегда волновали процессы общественно-политической жизни России и роль в них видных деятелей, оказывающих влияние, в частности, на формирование взглядов и интересов молодежи. К таким личностям, вне всякого сомнения, относится А.И. Герцен, оценке деятельности которого Н.С. Лесков посвятил ряд статей, написанных в 1860-е гг.: «Литературно-полемический вопрос (К издателю "Северной пчелы")», «Нападаем ли мы на студентов? Изложение двух студентских историй. – Причины, вызвавшие статью "Учиться или не учиться?" – Мнения об А.И. Герцене (Искандере) и о речи, сказанной им в Вятке. – Разница между студентами в университете и в думе. – Наше мнение», «О заметке "Русского вестника" и о характере действий г. Герцена», «Об отношении "Северной пчелы" к г. Герцену и его "собачкам"», «Общественная подозрительность и недостаток самостоятельных мнений» [5].

В указанных работах публицист характеризует не только деятельность Герцена, но и его личностные качества через ряд лексем и выражений описательного плана, используя как однословные агентивные наименования (*Герцен, Искандер, политик*), так и описательные номинации (*русский публицист того берега, далекий русский публицист, издатель «Колокола», редактор «Колокола», политический деятель*). К характерологическим следует отнести лексемы – однословные наименования: *изгнанник, социалист, бедовый, душка*. Неоднословными являются словосочетания перифрастического плана: *далекий наш публицист, сам Герцен, самый Герцен, отсталый человек, человек опасный, ярый, красный, громовержец того берега, талантливый человек, но не пользующийся авторитетом, русский социалист, не человек дела, божок сотни горячих голов, генерал от революции, неисправимый социалист.* Все перечисленные слова и словосочетания представляют собой выразительный ряд контекстуальных синонимов, используемых как повторные номинации, за которыми в языке публицистики закрепилась функция «создания экспрессивности, оценочности текста» [2, с. 27].

Самым частотным в лесковских статьях выступает объективно нейтральный антропоним *Герцен*, значительно реже употребляется не окрашенный экспрессивно автопсевдоним *Искандер*: ***Искандер*** *и Огарев, Катков и Леонтьев вызваны доказать друг другу правоту своих действий …; Герцен все любит втиснуть в свою любимую рамку, — это правда; но кто же согласится с просвещенной редакцией «Русского вестника», что у* ***Искандера*** *уж*

© Головачева О.А., 2011